

Э.В. КУЗНЕЦОВА

ЛЕКСИКО/
ЛОГИЯ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

Введение

Глава I.	Словарный состав современного русского языка как предмет лексикологии	4
Глава II.	Слово как единица лексической системы	15

РАЗДЕЛ I

Системно-семасиологическая характеристика словарного состава русского языка

Глава III.	Парадигматические отношения в лексической системе современного русского языка	29
Глава IV.	Отдельные типы словесных оппозиций, представленные в лексической системе русского языка	53
Глава V.	Классы слов как явление лексической парадигматики	69
Глава VI.	Синтагматические отношения в лексике	86
Глава VII.	Семантическое варьирование слова — многозначность	100
Глава VIII.	Функциональная эквивалентность слов как проявление вариантных отношений в лексике	122

РАЗДЕЛ II

Социолингвистическая систематизация лексики современного русского языка

Глава IX.	Систематизация русской лексики с точки зрения происхождения	135
Глава X.	Словарный состав современного русского языка в динамическом аспекте	153
Глава XI.	Систематизация русской лексики с точки зрения ее употребительности в «социальном пространстве»	168
Глава XII.	Коннотативная и стилистически-маркированная лексика	182

РАЗДЕЛ III

Русская фразеология

Глава XIII.	Общая характеристика фразеологических единиц	194
Глава XIV.	Варьирование фразеологизмов в системе языка и речи	207
Заключение		215

Э.В. КУЗНЕЦОВА

ЛЕКСИКО/ ЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия
для студентов филологических
специальностей университетов

Москва · Высшая школа · 1989

ББК 81.2Р
К89

Рецензент:

кафедра русского языка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (зав. кафедрой докт. филол. наук, проф. *О. Б. Сиротинина*)

Кузнецова Э. В.

К89 Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1989. 216 с.

ISBN 5—06—000192—X

В пособии дается общая характеристика объекта и предмета лексикологии, определяются основные аспекты изучения словарного состава языка — социолингвистический и системно-семасиологический. Отдельный раздел посвящен русской фразеологии, которая рассматривается как специфическая часть словарного состава языка.

Во второе издание (1-е — 1982 г.) введен материал о социолингвистической систематизации лексики русского языка, варьировании фразеологизмов, однозначных и многозначных слов, о типах семантической характеристики слова.

К $\frac{4602020101 (4309000000) - 433}{001 (01) - 89}$ 261—89

ББК 81.2Р
4Р

Учебное издание

Кузнецова Эра Васильевна

ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Зав. редакцией *Л. П. Чебаевская*

Редактор *И. В. Рашап*

Мл. редактор *А. Ю. Одоева*

Художник *Э. А. Марков*

Художественный редактор *М. Г. Мицкевич*

Технический редактор *И. В. Резникова*

Корректор *Л. А. Исаева*

ИБ № 7930

Изд. № РЯ-328. Сдано в набор 31.05.88. Подп. в печать 6.07.89. Формат 60х88/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 13,23 усл. печ. л. 13,48 усл. кр.-отт. 14,89 уч.-изд. л. Тираж 15000 экз. Зак. № 1568. Цена 55 коп.

Издательство „Высшая школа”. 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на фотонаборной технике издательства. Отпечатано в московской типографии № 8 Государственного комитета СССР по печати. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., д. 7.

ISBN 5—06—000192—X

© Издательство «Высшая школа». 1982.

© Издательство «Высшая школа». 1989,
с изменениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом учебном пособии по лексикологии русского языка излагаются вопросы, составляющие содержание программы курса современного русского языка, действующей на филологических факультетах университетов. Книга состоит из Введения и трех разделов, выделение которых продиктовано соображениями как теоретического, так и методического характера.

Во Введении (главы I, II) излагается общая характеристика объекта и предмета лексикологии, определяются основные аспекты изучения словарного состава языка: социолингвистический и системно-семасиологический. Вторая глава посвящена раскрытию фундаментального для всего курса понятия слова как единицы лексической системы языка и лексического значения как главной его характеристики.

В первом разделе (главы III—VIII) рассматривается системно-семасиологический аспект изучения словарного состава. В настоящее время общая идея системности лексики, сформулированная в работах основоположников советской лексикологии Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, представляет собой концепцию, достаточно оснащенную теоретически и методически. Между тем в ряде вузовских пособий по лексикологии этому аспекту уделяется меньше внимания, чем социолингвистическому как более традиционному и разработанному. Явления, в которых воплощается системность лексики, зачастую описываются изолированно, без связи друг с другом. Между тем все они подчинены общим законам построения лексической системы и в своем единстве образуют ее. В предлагаемом пособии мы стремились показать их единство, интерпретировать их как специфическое проявление общих для всего языка отношений: иерархических, парадигматических, синтагматических и вариантных. В пособии описаны различные виды методики компонентного, контекстологического и трансформационного анализа, которые должны быть освоены студентами в процессе изучения системных отношений в лексике.

Второй раздел (главы IX—XII) охватывает вопросы, связанные с социолингвистической характеристикой словарного состава. В отдельных главах рассмотрены пласты слов, специфика которых определяется факторами социально-исторического характера (иноязычная лексика, архаизмы и неологизмы, терминология, лексика стилистически-маркированная). Данный раздел отсутствовал в первом издании учебного пособия (1982 г.).

Третий раздел (главы XIII, XIV) посвящен русской фразеологии, которая рассматривается как специфическая часть словарного состава языка. Ее единицы — фразеологизмы, будучи формально отличающимися от слов-универбов, тем не менее органически включены в лексическую систему русского языка и подчиняются всем ее закономерностям.

Что касается лексикографии, прикладного раздела, органически связанного с лексикологией, то мы не выделили его особо, но постарались при рассмотрении отдельных вопросов характеризовать соответствующие лексикографические труды и указывать на возможность их использования.

1-е издание пособия использовалось в ряде университетов. От коллег с кафедр русского языка Воронежского, Саратовского, Томского, Новосибирского, Ростовского, Львовского, Башкирского, Волгоградского, Тюменского, Челябинского университетов, а также Университета дружбы народов им. П. Лумумбы мы получили положительные отзывы и некоторые замечания, которые постарались учесть при подготовке второго издания.

Автор

Глава I. СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОЛОГИИ

§ 1. Концепция социальности и системности языка как теоретическая основа современной лексикологии. § 2. Два аспекта изучения словарного состава языка. § 3. Социолингвистический подход к описанию лексики. § 4. Системно-семасиологический подход к синхронному изучению словарного состава языка. § 5. Формы проявления системности лексики. § 6. Взаимосвязь социолингвистических и системно-семасиологических характеристик. § 7. Взаимодействие в лексике системных и асистемных тенденций.

§ 1. Лексикология является сравнительно молодым разделом языкознания. Характеризуя в конце XIX в. состояние науки о языке, выдающийся славист И. А. Бодуэн де Куртенэ предсказывал: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.»¹ Действительность подтвердила его прогноз. В настоящее время лексикология занимает важное место в системе лингвистических дисциплин, являясь одной из продуктивно развивающихся отраслей современного языкознания.

Становление русской лексикологии относится к советскому периоду развития отечественного языкознания. В основе ее с самого начала лежали два фундаментальных теоретических положения, сформулированные в работах крупнейших представителей русского языкознания предшествующего периода — Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, М. М. Покровского. Это были идеи социальности языка и его системности. Эти положения относятся к общей теории языка, но имеют исключительно важное значение для лексикологии, ибо именно в области лексики единство указанных характеристик языка выступает особенно ярко.

§ 2. Социальность языка и его системность неразрывно связаны. И вместе с тем они обуславливают наличие в самом языке двух аспектов, а в науке о нем — двух возможных направлений: внешнего, социолингвистического, и внутреннего, системно-сема-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963, Т. 2. С. 17.

сиологического. В лексике эти два направления частично совпадают с разграничением лексикологии в узком смысле слова и семасиологии. Лексикология изучает в словарном составе языка прежде всего те стороны, которые обусловлены факторами внеязыкового, социально-исторического характера. В ее задачи входит изучение вопросов формирования словарного состава языка, исторических изменений, происходящих в нем, систематизация лексики с точки зрения ее происхождения, расчленения по сферам употребления, по степени активности и т. п.

Семасиология изучает лексическую систему языка и слово как элемент этой системы прежде всего с точки зрения внутренних закономерностей, организующих эту систему. Объекты семасиологии — это различные проявления системности лексики: лексико-семантические группы слов, явление семантического варьирования, закономерности сочетаемости слов, все виды семантических и формально-семантических оппозиций слов.

Четкого разграничения проблематики собственно лексикологической и семасиологической нет и быть не может. В учебных программах по современному русскому языку под общим названием «Лексикология» объединен весь круг вопросов, связанных с изучением русской лексики, поскольку существование и развитие лексической системы языка определяется органическим единством внелингвистических и внутрилингвистических факторов. Тем не менее в этом общем круге вопросов можно выделить такие, которые скорее можно квалифицировать как преимущественно социолингвистические, и такие, которые в большей степени относятся к аспекту системно-семасиологическому.

Возможность двустороннего подхода к рассмотрению и характеристике словарного состава языка дает основания для двойного определения предмета лексикологии. При любом из указанных подходов реальный объект один — словарный состав современного русского языка. Определение объекта, как в любой другой науке, мы получаем, отвечая на вопрос: что изучает лексикология? Русская лексикология изучает словарный состав русского языка. Это ее объект.

Определение предмета лексикологии может быть представлено как ответ на вопрос: что такое словарный состав языка? Поскольку в изучении словарного состава возможны два (и более!) подхода, в рамках этих подходов ответ на поставленный вопрос может быть неоднозначен. Попытаемся в самом общем виде определить содержание предмета лексикологии применительно к выделенным выше двум аспектам изучения лексики, которые представляются нам наиболее важными с точки зрения ее синхронного изучения.

§ 3. Социолингвистический подход к изучению лексики предполагает характеристику и классификацию слов с учетом признаков, обусловленных факторами внеязыкового, социально-истори-

ческого характера. Такие признаки могут быть охарактеризованы как внешние по отношению к слову как носителю лексического значения.

Так, слова *автономия, академия, акация, аксиома, алфавит, аметист, анализ* и другие сходны между собой по признаку происхождения: все они из греческого языка. Аналогичное сходство признака происхождения мы наблюдаем у слов *абитуриент, абсурд, автор, агент, адвокат, аквариум, акцент* и др., заимствованных русским языком из латинского, или у слов *жажда, растение, вовлекать, страж, разглашать, нужда, устранять*, пришедших из старославянского языка. Общностью происхождения из немецкого языка характеризуются, например, слова *авторитет, анишлаг, абзац, бакенбарды, бант, бинт*; из французского языка — *абонемент, авангард, адрес, аллея, азарт, авантюра*; из английского языка — *аврал, айсберг, балласт, бар, бампер*; из тюркских языков — *алмаз, амбар, балык, базар, балаган*. Характеризуя группы слов, вошедшие в словарный состав русского языка из других языков, мы выявляем такие социолингвистические параметры, как язык-источник, время заимствования, конкретные социально-исторические факторы, обусловившие его.

Вторым видом внешних, социолингвистических характеристик слова может быть признак степени употребительности, который органически связан с общественной актуальностью тех или иных явлений и понятий, выраженных в словах. Такие слова, как *волесть, драгун, земство, середняк, рекрут, ликбез, десница*, относятся к лексике архаической, малоупотребительной, существующей только в пассивном запасе. С другой стороны, наблюдаются ограничения в употреблении отдельных слов, связанные с тем, что они представляют собой неологизмы, не получившие еще достаточно широкого распространения.

Третий тип внешних, социолингвистических признаков слов связан со специализацией сфер их употребления. Наряду со словами, которые нейтральны к условиям употребления, используются в любых речевых ситуациях, в словарном составе имеются и такие, употребление которых ограничено факторами либо профессионально-групповыми [к ним относятся термины и специальная номенклатура, например; *пилоны* (архит.), *резекция* (мед.), *пиллерс* (мор.), *пикетаж* (геод.), *пике* (авиа), *пиано* (муз.) и т. п.], либо функционально-стилистическими (например, *пижон, химичить, беготня, читалка, умничать, хохма, бабский* и под., допустимые только в разговорной речи).

С учетом сказанного предмет лексикологии в социолингвистическом аспекте может быть определен следующим образом: словарный состав языка — это совокупность лексических единиц, исторически сложившаяся, постоянно развивающаяся, обслуживающая все разнообразие социального использования языка как средства общения.

Основной задачей лексикологии в этом аспекте является систематизация лексики, выявление в словарном составе таких пластов словарных единиц, которые объединяются и противопоставляются по следующим внешним признакам: исконное — заимствованное, актуальное — устаревшее, общеупотребительное — ограниченное в употреблении.

§ 4. Системно-семасиологический подход к исследованию словарного состава языка проявляется в первоочередном внимании к его внутренней семантической структуре, в рассмотрении русской лексики как системы. Подход к словарному составу языка как к явлению системному можно считать традиционным для русской лексикологии. Идея системности лексики, выдвинутая первоначально в качестве важнейшей проблемы лексикологии в работах М. М. Покровского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, стимулировала ее развитие, хотя и вызывала к себе различное отношение со стороны лексикологов.

Широта объема и разнообразие единиц словарного состава, его открытость, динамизм, особая сложность внутренней организации, обусловленная спецификой единиц-слов, давали известные основания для сомнений в правомерности системной трактовки и даже для полного отрицания возможности такой трактовки. В качестве одного из главных доводов против признания системности лексики выдвигалось, в частности, положение о том, что системность представляет собой простое отражение связей и отношений действительности и потому — в силу ее внелингвистической природы — не может быть предметом лингвистического исследования. Если согласиться с подобной точкой зрения, то следует вообще отказаться от изучения лексического уровня языковой системы, ибо содержание слов формируется прежде всего под влиянием факторов внелингвистического характера: «Непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью по сравнению со всеми другими областями языка, и вряд ли всестороннее исследование лексики осуществимо без учета этой особенности» [7, 15].

Естественно, что в формировании системных отношений в лексике главную роль играют отношения между явлениями самой действительности, соответствующим образом «преломленные» в языке. Так, слова *ночь* и *день* связаны антонимическими отношениями, потому что они называют противоположные друг другу части суток, слова *ненастье* и *дождь* связаны между собой как названия явления и его существенного признака, слова *ненастье* и *непогода* — как два названия одного и того же явления. Чисто языковые связи и отношения между словами являются вторичными по сравнению со связями «отраженными», как бы надстраивающимися над ними.

В качестве другого аргумента против признания системного характера лексики выдвигалась мысль о том, что словарный

состав языка не поддается системной интерпретации в силу своей безграничности и особой подвижности. Но ведь подвижность, постоянная готовность к изменениям — это внутреннее необходимое качество языковой системы. В лексике изменения проявляются наиболее ярко. Это объясняется, во-первых, тем, что количество лексических единиц намного превышает количество единиц других уровней (фонем, морфем и др.); во-вторых, тем, что лексика, непосредственно связанная с действительностью, постоянно реагирует на изменения в общественной жизни и общественных потребностях.

Осложняет системную трактовку лексики и то, что семантическое варьирование слов, порождающее многозначность, создает особую сложность их взаимоотношений. Именно в силу многозначности одно и то же слово оказывается связанным с целым рядом других слов, подчас весьма различных по содержанию. Глагол *болеть*, с одной стороны, связан с такими словами, как *болезнь, здоровье, врач, лекарство, лечить, выздороветь* и т. п., с другой — с такими, как *болеющий, матч, чемпионат, спорт, хоккей* и т. п. Слово *материя*, с одной стороны, соотносено с философской терминологией *бытие, сознание, время, пространство* и т. д., с другой — со словами *ткань, шелк, шить, платье* и т. д. Это создает в лексике множественность связей, пересекающихся, накладывающихся друг на друга и весьма затрудняющих даже элементарную группировку лексических единиц, что, однако же, не является основанием для отрицания системности лексики, как и подвижность словарного состава, и его соотнесенность с внеязыковой действительностью. Это обязывает исследователей-лексикологов серьезно заниматься вопросами методики, вырабатывать такие приемы анализа лексической системности, которые бы основывались на учете всей сложности лексической системы и не вели к ее упрощению.

В настоящее время идею системности лексики в советском языкознании можно считать общепризнанной. Органически сочетаясь с идеей социальной обусловленности языка, она нашла свое убедительное воплощение в работах лексикологов-русистов В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Н. И. Толстого, Д. Н. Шмелева, Ю. Н. Караулова, Л. А. Новикова, Л. М. Васильева, Н. З. Котеловой, З. Д. Поповой, П. Н. Денисова, И. П. Слесаревой, И. А. Стернина и др., а также в работах представителей советской романо-германистики А. И. Смирницкого, Н. Н. Амосовой, В. Г. Гака, А. А. Уфимцевой, И. В. Арнольд, А. М. Кузнецова, В. М. Никитина, М. М. Маковского и др.

Подчеркнуть объективную ценность и научную плодотворность этой идеи можно с помощью следующих доводов. Если мы признаем язык системой, то из этого автоматически вытекает признание системности лексики, ибо трудно себе представить систему, одной части которой были бы системны, а другие — бессистемны. Другой аргумент: в сфере лексики четко прослеживаются все виды отношений между единицами, которые являются основными для языковой системы в целом. К ним относятся: отношения средст-

ва — функции, отношения манифестации, парадигматические, синтагматические отношения и отношения репрезентации (вариантности). Коротко рассмотрим проявление этих отношений в лексике.

§ 5. Язык в целом — это иерархическая система систем, расположенных не в одной плоскости, а как бы надстраивающихся друг над другом в соответствии с типами единиц, которые имеются в этой системе. Основным типам единиц (фонема, морфема, слово, предложение) соответствуют четыре основных уровня (яруса), выделяемых в языковой системе: фонологический, морфологический, лексический и синтаксический. Все уровни расположены в рамках уровневой модели языковой системы в направлении снизу вверх. Отношения между единицами соприкасающихся уровней можно интерпретировать как соотношения средства и функции. Любая единица языка связана с единицами нижележащего уровня по своему оформлению и с единицами вышележащего уровня по своей функции. Единицы нижележащего уровня по отношению к вышележащему являются средствами оформления, а в единицах вышележащего уровня любая единица реализует свои функции, выступая в качестве составных частей.

В иерархии языковых уровней лексический уровень опирается на морфологический и предшествует уровню синтаксическому. В соответствии с этим морфемы, единицы нижележащего, морфологического уровня, являются средствами оформления слова, а слова — средствами оформления предложений, единиц вышележащего уровня. И, напротив, слово выполняет всю полноту своих функций только в предложении, так же как морфема — только в составе слова. Отсюда и возникает возможность, по крайней мере, трехстороннего подхода к слову: как к единице лексического уровня; со стороны морфологии — как к комплексу морфем; со стороны синтаксиса — как к составной части предложения.

Так, характеризуя прилагательное *надтреснутый* как единицу лексической системы, мы прежде всего определяем его основное значение — ‘с небольшой, неглубокой трещиной’, указываем на наличие у этого слова вторичного переносного значения — ‘дребезжащий, дрожащий (о звуке голоса)’ и т. д. В плане морфологическом это слово характеризуется по принадлежности к части речи (имя прилагательное) и лексико-семантическому разряду (относительное), как производное слово, мотивированное прилагательным *треснутый* и образованное префиксальным способом. Синтаксическую характеристику слово может получить только в составе предложения, ср.: *Надтреснутый колокол пробил один удар* (прилагательное *надтреснутый* выполняет функцию определения) и *Правый нижний угол был надтреснут* (*надтреснут* выполняет функцию сказуемого). Оставаясь единым реальным объектом, в каждом из указанных разделов языкознания слово

составляет особый предмет изучения, предполагающий его особое определение и особые задачи изучения.

Язык — универсальная знаковая система, служащая для передачи мыслительного содержания (информации) с помощью определенных материальных форм. Отношения манифестации, связывающие элементы плана содержания с элементами плана выражения, имеют в его структуре исключительно важное значение. Эти отношения в словах, представляющих собой знаки языка в наиболее полном, классическом виде, реализованы в связях внешней материальной формы слова — лексемы, с его внутренней, идеальной стороной — семемой.

Термин «лексема» в таком значении был предложен Н. И. Толстым и принят в настоящее время многими исследователями. Наряду с этим существует и иное применение этого термина: для обозначения инвариантной лексической единицы (В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, П. С. Кузнецов), для обозначения основы слова (И. В. Арнольд), для обозначения плана содержания слова (В. М. Солнцев) и др.

В рамках лексического уровня слова связаны между собой весьма разнообразными отношениями. Так, слово *болезнь* формально и по значению связано со словами *боль*, *больница*, *больной*, *болеть*, *болеутоляющий* и т. д. Чисто семантически это слово связано с широким кругом таких слов, как *врач*, *лечить*, *лекарство*, *выздороветь*, *температура*, *клиника* и т. д. Как обозначение определенного вида состояния организма, оно соотнесено с обширным классом слов, обозначающих состояние живого существа, в рамках которого слово *болезнь* антонимически связано со словом *здоровье*, а через него с другими словами соответствующей семантики. По принципу синонимии слово *болезнь* связано со словами *недуг*, *недомогание*, *заболевание*, через профессиональное обозначение (*заболевание*) оно включается в состав медицинской терминологии, образующей богатую терминосистему. Потенциально слово *болезнь* связано со своими типичными контекстными партнерами: *заразная*, *инфекционная*, *неизлечимая*, *хроническая*, *изнурительная*; *симптомы*, *диагноз*, *профилактика*, *возбудитель*; *лечить*, *предупреждать*, *симулировать*, *запустить* и т. д.

На многообразие системных связей слов указывал в свое время Н. В. Крушевский: «...слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [2, 65—66].

Н. Ю. Шведова, подчеркивая важность проблемы «слово и виды его окружений в их взаимодействиях и взаимозависимостях», выделяет три аспекта в языковых условиях существования слов: условия класса (лексическая группа, разряд, лексическая парадигма, ряд); условия типового контекста; условия бытования

слова в характерных для него речевых ситуациях [6, 143]. По ее мнению, «научное описание слова — в идеале — является полной и всесторонней конденсацией и препарацией его отношений к другим единицам класса, его разнообразных и полифункциональных окружений и тех экстралингвистических ситуативных условий, в которых это слово функционирует» [6, 154].

Если отвлечься от чисто речевых параметров, к которым можно отнести условия ситуативного использования слова, и обобщить разнообразные типы системных связей слов, то в качестве основных типов системных отношений в лексике следует выделить два типа: парадигматические и синтагматические. Эти два типа отношений между единицами одного уровня являются универсальными для языковой системы в целом и реализуются в пределах всех ее уровней.

В основе парадигматических отношений в лексике лежит сходство слов, формальное или семантическое. Эти отношения проявляются в наличии в рамках словарного состава разного рода группировок слов, начиная с частей речи и кончая дублетами типа *коротыш — коротышка, кошачий — кошечий, краса — красота* и т. д.

Синтагматические отношения проявляются в закономерностях сочетаемости слов в линейном ряду, в составе предложений и словосочетаний. Слова определяют свой контекст и взаимно определяются им. Кроме того, системные отношения в лексике имеют еще «третье измерение», называемое эпидигматическим (Д. Н. Шмелев) или деривационным (П. Н. Денисов). К нему относится, во-первых, формально-семантическая соотнесенность слов, связанных отношениями производности (*болеть — боль — больной — болезнь — болезненный*), которые представляют частный вид проявления парадигматических отношений. Во-вторых, сюда же относят явления внутрисловной семантической парадигматики (многозначности), которая является результатом взаимодействия собственно межсловной парадигматики с синтагматикой и относится к особой сфере системных связей вторичного, вариантного характера.

В основе отношений вариантности лежит то, что язык в силу своей индивидуально-общественной природы существует «в двух лицах»: системы и речи, что обуславливает двойственность статуса его единиц, которые существуют в виде *и н в а р и а н т н ы х а б с т р а к ц и й*, составляющих глубинную основу языковой системы, и в виде *в а р и а н т о в*, представляющих эти абстрактные единицы в речи. На лексическом уровне отношениями вариантности связаны системные слова-названия с их актуальными реализациями в составе предложений. Например, слово *вода* реально может быть представлено в речи в ряде семантических вариантов: *стакан воды* ('прозрачная, бесцветная жидкость, употребляемая для питья'); *Ей помогли кавказские воды* ('целебная жидкость,

содержащаяся в минеральном источнике'); В его выступлении было много воды ('малосодержательные фразы').

Слово как единица лексической системы языка имеет, таким образом, два статуса. Во-первых, статус самостоятельной номинативной единицы (ономатемы), отвлеченной от реальных функций в предложении. Во-вторых, статус синтаксического слова, элемента предложения, в составе которого слова соединяются друг с другом, участвуя в создании и выражении общего смысла высказывания. В грамматике эти два статуса слов представлены в традиционном разграничении слова как части речи и слова как члена предложения. А. М. Пешковский писал по этому поводу: «...Мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой — при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых ... это «отвлечение» не есть плод научных размышлений, а живой психологический факт, и он может, даже вопреки действительности, представляться как первосущность, а конкретные образы слов в словосочетаниях как модификации этой первосущности» [4, 93—94].

Разработка этой проблемы дается в статье В. В. Виноградова «О формах слова», в которой он предложил «различать два понятия и два термина — слово и лексема, т. е. лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и слово» [1, 37]. Разграничение двух статусов слова является необходимой предпосылкой эффективного изучения системных связей слов в рамках лексической системы современного русского языка.

Таким образом, в словарном составе языка проявляются в качестве системообразующих все основные типы структурных связей единиц: 1) иерархические (средство — функция), 2) отношения манифестации, 3) парадигматические, 4) синтагматические и 5) вариантыные отношения. И это дает все основания для теоретического осмысления словарного состава как сложной, но единой системы. Первичными в этой системе являются ее единицы — слова, составляющие ее субстанцию; разнообразны связи и отношения, которые были бегло очерчены выше и которые образуют структуру этой системы, производны от слов и, в известном смысле, вторичны. В то же время «не следует полагать, что сначала изолированно сложились отдельные значения (и единицы языка), а затем кто-то объединил их в систему. Складывание значений языка и системы языка можно представить себе лишь как единовременный процесс. Значения единиц языка и сами единицы с самого начала несут на себе печать системности и обладают системными свойствами»¹.

¹ Солнцев В. М. К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия) // Проблемы семантики. М., 1974. С. 8.

Отвечая на вопрос, что такое словарный состав языка, в рамках системно-семасиологического подхода предмет лексикологии можно определить следующим образом: словарный состав — это система лексических единиц, связанных между собой соответствующими (парадигматическими, синтагматическими, вариантными) отношениями, имеющими преимущественно семантический характер.

§ 6. Два основных аспекта изучения русской лексики — социолингвистический и системно-семасиологический, условно выделенные нами, в конкретных лексикологических исследованиях часто не разграничиваются. И это естественно, так как все существование словарного состава определяется единством внешних и внутренних факторов. Например, изучая заимствованную лексику (проблема преимущественно социолингвистическая), мы отмечаем, что заимствования относятся к определенным семантическим группам, и наоборот, изучая отдельные семантические группы, мы неизбежно выделяем в них слова исконные и заимствованные, выявляем закономерности, которые возникают в рамках группы в результате их взаимодействия. Терминологическая лексика, социальная обусловленность которой предельно ясна, представляет собой совокупность терминосистем, которые интерпретируются как семантические группы слов. Изучая словарный состав языка в историческом плане, с точки зрения его развития, особенно трудно и вряд ли целесообразно разграничивать указанные подходы: социолингвистический и системно-семасиологический.

В этом отношении представляет интерес монография «Лексика современного русского языка» (М., 1968), часть социолингвистического исследования «Русский язык и советское общество», обобщающего результаты коллективной работы, выполненной в Институте русского языка Академии наук СССР. Авторам этой работы удалось успешно решить задачу, сформулированную в свое время С. И. Ожеговым как задачу определения движения «лексики разных групп, подсистем, не всегда помещающихся в одной плоскости, но совмещающихся в едином потоке развития» и обнаружения внутри этих групп и подсистем «действие то внешних факторов в развитии, то внешних и внутренних во взаимодействии» [3, 48]. Достоинством этой монографии является то, что ее авторам удалось преодолеть чисто внешний подход, как будто бы предопределяемый общей проблематикой (русский язык и советское общество), и дать такую интерпретацию лексических явлений, которая основывается на учете сложного взаимодействия факторов и тенденций, имеющих как внешний, так и внутрилингвистический характер.

§ 7. Для того чтобы язык мог выполнить свои общественные функции, он должен быть организован системно. Но в рамках основных системных отношений и связей в языке существует «свобода». Фактически в языке любому системному, упорядоченному явлению противостоят известные асистемные тенденции. Язык не может быть простым и схематичным: слишком сложны и разнообразны те требования, которые предъявляют к нему люди и которые определяют в конечном итоге его реальное существование.

В лексике асистемные тенденции имеют особенно благоприятную сферу своего проявления. Словарный состав языка постоянно ощущает воздействие импульсов, идущих от общественной деятельности, а она сложна и находится в состоянии никогда не прекращающегося развития. И это в первую очередь определяет динамизм лексической системы, ее открытый характер и постоянную изменяемость под воздействием как системных, так и асистемных тенденций.

В самой языковой системе запрограммированы внутренние предпосылки для известной неустойчивости и свободы. Одной из таких предпосылок является то, что в любом языке реализуется только часть возможностей, потенциально заложенных в его системе, притом небольшая. Из нескольких тысяч морфем, существующих в морфологической системе русского языка, можно образовать гораздо большее количество слов, чем отражено в самом большом словаре русского языка и во всех словарях, вместе взятых. В любой момент эти потенциально возможные слова могут стать реальными, если в этом возникнет необходимость. И именно наличие в потенциале лексической системы этих возможных единиц придает ей качества неограниченной системы.

Характеризуя особенности лексических значений слов, обычно отмечают их неопределенность и диффузность. В этих особенностях также заключен источник особой подвижности лексической системы, которая не дает возможности интерпретировать ее как жестко организованную систему. В ней с избытком представлены факты двойственного, промежуточного типа.

Формой проявления свободы лексической системы можно считать способность слов к семантическому варьированию. Именно в процессе семантического варьирования в лексической системе языка создаются те вторичные связи между словами, которые создают национальное своеобразие языков, делают их лексические системы сопоставимыми, но не накладываемыми. С особой силой свобода (как антитеза схематизма) проявляется в словах на уровне их речевой реализации. В речи действуют факторы, идущие от человека, который не может быть только носителем языка или единицей социального коллектива, но всегда остается неповторимой личностью со своими неповторимыми мыслями, чувствами и устремлениями. Слова в речи функционируют не как усредненные, безликие ономатемы, они наполнены уникальным смыслом, определяемым ситуацией речи и личностью говорящего.

Ш. Балли в свое время, предостерегая лексикологов от схематизма, подчеркивал, что «словарный состав не представляет собой геометрически правильной конструкции, которая была бы столь желанна ленивой мысли, стремящейся идти легким путем аналогии»¹. К аналогичным выводам приходят современные лексикографы, решающие задачу создания словаря идеографического типа.

¹ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 62.

По мнению Ю. Н. Караулова, синоптическая схема идеографического словаря представляет собой лишь приблизительный анализ целостной лексической системы, и приблизительность эта «является принципиально неустранимой, поскольку обусловлена она фундаментальными свойствами слова как языкового знака»¹. Излишне прямолинейное понимание лексической системности опасно тем, что оно может привести к обеднению содержания языка, которое с наибольшей полнотой проявляется в лексике. Необходимо стремиться к познанию лексической системы языка во всей ее сложной реальности, учитывая ее аспекты, которые существуют в лексикологии и которые нам хотелось бы еще раз напомнить, завершая вводную главу.

Аспекты изучения словарного состава

*Социолингвистическая
систематизация по
признакам:*

- а) происхождения;
- б) степени употребительности;
- в) сферы употребления.

*Системно-семасиологическое
описание с учетом
отношений:*

- а) манифестации;
- б) парадигматических;
- в) синтагматических;
- г) вариантных.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О формах слова // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33—50.
2. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
3. Ожегов С. И. Лексика // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 46—72.
4. Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Избр. труды. М., 1959. С. 74—100.
5. Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М., 1963.
6. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слов // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 142—154.
7. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Глава II. СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Множественность определений слова. § 2. Определение слова как единицы лексической системы. § 3. Факторы, определяющие лексическое значение слова. § 4. Понятийный компонент значения слова. § 5. Эмпирический и мотивировочные компоненты значения. § 6. Коннотативный компонент значения слова.

§ 1. За многие годы своего развития наука о языке накопила очень много определений слова. В лингвистической литературе существуют попытки анализа и классификации самих этих определений. Так, И. Е. Аничков распределяет имеющиеся определения

¹ Караулов Ю. Н. Семантическая иерархия в словаре и ее отражение в письменности // Восточные славяне. Языки, история, культура. М., 1985. С. 200.